

КАТЕГОРИЯ ЛИЧНОСТИ В ХРИСТИАНСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Священник АНДРЕЙ ЛОРГУС

Статья предлагает еще одну рабочую гипотезу психологического понимания личности человека. Категория личности представляется центральной для психологии, философии и богословия. Гипотеза о собственно психологическом понимании личности основана на современном православном богословском подходе.

Ключевые слова: личность, христианская психология, богословие, философия, самоотношение, самооценность, другой, бытие, образ бытия, развитие.

В современном православии мы находим следующее богословское понимание личности: «Личность — есть несводимая к природе, свободная, открытая, творческая, уникальная, целостная в смысле как неделимости, так и нерушимой идентичности, непознаваемая аналитическими объективирующими методами *онтологическая основа* человека, определяющая образ бытия его индивидуализированной природы» [Чурсанов, 2005]. Так оно выглядит в богословии, а в психологии...?

Психологическое понятие личности в христианской психологии может начинаться с признания и констатации *онтологического характера категории личности, в которой психическое является способом отношения к себе, к другому, к «ты», к миру.*

Психологически, личность есть человек, *относящийся* к себе, к миру, к другому; человек *имеющий* себя и изменяющий себя. Личность, как суверен своего бытия, своего тела, своей жизни, своего развития и смерти, в том числе своего космоса и вечности (Бога) — есть образ Божий.

«*Относящийся к себе*» — означает наличие специфических отношений человека к себе, как физическому телу, как субъекту пространства и времени, как носителю переживаний, как страдающему и счастливому. В том числе, сюда входят и отношения к своей жизни, как таковой, к своей смерти, к качеству своей жизни, своей судьбе, своим возможностям, своим способностям. Эти специфические отношения могут иметь

интеллектуальную сторону (смыслы, ценности, оправдания, цели), а могут быть неосознаваемыми. Но они почти всегда, за исключением пограничных и клинических случаев, имеют сильную эмоциональную окраску. Отношение к себе в широком смысле — соответствует самосознанию в философии, хотя в психологическом смысле — это не специфически сознательная позиция, поскольку отношение к себе складывается в раннем детском возрасте (самоотношение), и только позже подвергается иногда переосмыслению. В отношении к себе входит также фундаментальное понятие самопринятия и самооценности, имеющее для психологии личности и для психотерапии одно из центральных значений.

«*Относящийся к другому*» — основывается на отношении к себе. «Другой» — это категория первых межличностных, социализирующих отношений. Но эти отношения возможны лишь потому, что есть «я», ибо вне «я» отношений нет вообще. Антиномия «я» — «другой» непременно имеет два полюса. Исходным, для психологии личности, может быть только полюс «я», так как в противном случае, как, например, бывает в клинике аутизма, детской шизофрении или олигофрении, отношение к «другому» при его объективном наличии не формируется.

«*Относящийся к миру*» — включает в себя «базовое доверие» и «мое место в мире», семейную систему и отношения в ней. Здесь формируется социальная и семейная совесть, нравственность, открытость, служение, забота.

«*Имеющий себя*» — предполагает принятие решений о себе и ответственность за эти решения и за свою жизнь без стремления переложить ее на других. Решения о себе — это, например, решение о профессии, о здоровье, о браке, о самой жизни. Человек, имеющий себя, принимает себя, принимает ответственно и благодарно, или, напротив, не принимает, и тогда отказывается жить. Принятие себя есть экзистенциальный акт, однако он может быть актом актуального состояния, а не сознательного выбора. Непринятие себя ведет к тяжелым личностным проблемам, о которых хорошо известно терапевтам.

Изменяющий себя — развивающийся, свободный, смелый человек, способный рисковать, ошибаться, признавать ошибки, получать награды и отказываться от привычного, знакомого и известного. Готовность к личностным изменениям — признак внутренней силы, цельности; требует энергии, деятельности и немалого желания. Сознательное отношение к своим изменениям, к росту, падениям, поискам — признак личностного взросления и зрелости.

Совокупность отношений к себе, к миру, к другому, желаний, свободных выборов, а также ответственность за все это — есть личност-

ный мир человека, его космос. Он принадлежит только ему, и носит всегда субъективный и индивидуальный характер. Человеческий космос имеет, конечно, природное начало, в силу индивидуализированности его природы. Но само наличие космоса — есть признак личности, а не природы. Природа дана, а космос строится человеком. Космос — результат личностного отношения к природе. Человек может иметь только индивидуализированный космос, и потому человек всегда только человек, а не бог. Попытка быть Богом, претензия на сверхиндивидуальный космос, всечеловеческий космос, приводит к искажению человечности, системы ценностей, к преступлению, к войне и смерти. Космос человека всегда не полон, искажен и страшен, если он не увенчан Богом. Без Бога человеческий космос всегда ущербен. И здесь есть глубочайшее соответствие космоса и Бога. Космос человека, индивидуальный по природе, личностный по образу бытия, «тоскует» без Личности. Космос не полон без Бога, но Бог — не часть космоса, но неперемнное условие. Человек формирует свой космос так, как если бы он был создателем и вседержителем космоса, то есть он занимает в своем космосе то место, которое по отношению к вселенной может принадлежать Богу. Завершая осознание своего космоса и ощущая онтологическую тоску по уникальности и универсальности бытия, человек испытывает потребность увенчать свой космос такой сверхличностью, которая будет ему «в пору», то есть будет, как говорят психологи, конгруэнтна. Искушение, которое при этом испытывает человек, — поставить себя в центре своего космоса. Требуется истинное смирение и сыновнее почтение, чтобы увенчать свой космос подлинным Творцом, Вседержителем и Спасителем, а не идолом или самим собой.

Таким образом, личность — это человек, создающий свой космос бытия во вселенной. Для этого он имеет свободу, знания, способность к творчеству и опыт. Все это особым образом преломляется в психологии.

Экзистенциальные основы психологии личности

Психологическое понимание личности начинается с обнаружения, эмпирического и теоретического, личностного бытия человека. Не с формирования личности, не «сложения» ее из элементов, не провозглашения, а с обнаружения себя как уникального суверена своей жизни, с открытия «Я есть!». Психологически, личность обнаруживает себя как самобытие, в отличие от понятия «отражения», или поведения. Последние существуют только потому, что существует порождающее их бытие, то есть жизнь, как акт бытия, желание быть и

жить, и решение «быть»¹. Между личностью и психикой, как категориями, может разверзнуться такая же бездна, как между — «человек» и его «поведение». Причем генетически, «личность» и «психика» не связаны между собой. Бытие личности психологически не выводимо, а психика не часть личности.

Но именно психология, в отличие от других наук о человеке, наиболее адекватно и наиболее объемно «видит», обнаруживает личность. Психология — есть наиболее целостное и ясное видение личности. Однако именно психология страдает наиболее острым предметным кризисом. Проблема кризиса обнаружила себя тотчас (в историческом масштабе — несколько десятилетий), как психология попыталась избавиться от духовных реалий. Психологи середины XIX века предложили такое понимание предмета психологии, в котором духовного ничего не оставалось. Остались психофизические процессы, психические функции, сознание, как процесс, и личность, как динамическая психосоциальная реальность. Психология, как казалось тогда, встала на твердый методологический фундамент: предметом науки стал комплекс исследуемых процессов и функций, которые обеспечивают и обслуживают поведение человека, или само поведение человека, описываемое с внешней стороны. Человек сам оказался наблюдателем, как себя самого, так и другого, испытываемого.

Оказавшись себе самому и другому лишь наблюдателем, человек перестал быть сувереном происходящего в нем самом. Быть наблюдателем и совершителем психического акта (действия и деятельности, состояния и переживания) принципиально разные онтологические позиции. От занятой позиции зависит как онтологический статус субъекта, так и предметный статус объекта. В классической психологии наблюдатель лишается онтологического преимущества свидетельствовать о происходящем. Лишается вследствие строгого критерия достоверности и проверяемости. Весь субъективноиндивидуальный мир человека исключается из свидетельства, так как именно он может быть той искажающей действительность линзой, которая делает недоступной эту искомую действительность — объективную реальность. Это не значит, что субъективно-индивидуальный мир человека не исследуется, не интересует науку вовсе. Только статус предметности может быть лишь таким, чтобы индивидуальное было деиндивидуализированным (так чувствует себя пациент на кушетке у врача — вроде бы это именно он лежит здесь и

¹ Вспомним гамлетовское: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!»

теперь, но ощущает себя уже не принадлежащим себе), а субъективное — объективированным.

С другой стороны, предмет науки психологии в классической позиции носит статус детерминированного, вписанного в систему взаимозависимых условий, причин и следствий. Это система «условия — функция (процесс) — поведение». Она стремится к предельно обусловленному функционированию. В этой системе исключаются такие предметные статусы как переживание, возможное, свободное, независимое, личное, метапсихическое, духовное. Самое печальное, что человеку здесь не остается места. Причем происходит это не по злой прихоти ученых, а по неизбежной логике избранной позиции.

Психическая жизнь в этой классической предметности оказалась наблюдаемой (в меньшей степени, самонаблюдаемой). Причем в этой, сциентистской, парадигме приоритет достоверности наблюдаемого отдается наблюдению за другим. Самонаблюдение подвергается наиболее тщательному сомнению. Это не могло и быть иначе, ведь из психологии был последовательно исключен ТОТ, кто есть носитель функций и субъект процессов, свободный совершитель психического акта, то есть живая индивидуальность, деятель. Психологии остался не деятельный человек, а человек функционирующий, реагирующий. В какой же степени такой человек остался человеком? Вопрос риторический. Психология «съехала» в сторону от человека.

Как только это произошло, тотчас возник вопрос, что же психологического в новой (теперь уже старой, классической) психологии? Или что же изучает психология? Психику? Но что есть психика? Функции, поведение, сознание, личность? Если психика, понимаемая, как функции и процессы, как поведение, есть основной предмет психологии, тот основной психологический кризис будет развиваться в вопросах соотношения всего изученного с реальным человеком. Если же предметом объявляется сознание и личность, то кризис проходит по линии соприкосновения с психологией функций и процессов. Последняя никак не может объяснить того, что происходит с личностью. Студенты очень остроумно отмечают на уровне 4-5 курсов университетов: «Понятно, что Фрейд многое упростил, понятно, что личность непредсказуема, но как можно применить на практике поэтапное формирование высших психических функций, если подросток или ребенок не хочет учиться». Действительно, чем дальше развивается психология функций, тем меньше понятно, как это все применимо к реальному человеку. Создается такое впечатление, что психология классическая, университетская неумолимо «убегает» от человека и человеческого. Психология практическая,

без особой рефлексии, соединяет психотерапию, философию и психологию так, как если бы теория уже давно все расставила на свои места. Однако это не так. Психологи самых разных направлений и поколений могут признавать, что психология еще не имеет единой теории, но при этом усомниться в парадигмальном сциентистском условии, что психология может заниматься только тем, что исследуемо, проверяемо и объективно, невозможно. Складывается впечатление, что самое опасное, что видят психологи самых разных научных направлений — это приближение к фундаментальным вопросам психического. Это вопросы следующие, КТО есть тот, кого называют психикой, или есть за исследуемым ЧТО еще кто-то, кого и можно было бы назвать «человек психический»? Можно ли относить психологию функций собственно к психологии? Психология — это наука о человеке или наука о человеческом поведении и функциях?

Необходимым условием формирования фундаментальной психологии нам представляется такое, при котором вопрос о предмете психологии, о его бытии, о его существовании, выносится за пределы психологии. Трудно представить такое положение, при котором наука могла бы успешно развиваться, не будучи уверенной, а еще хуже, постоянно сомневающейся в существовании своего предмета. Психология уже 150 лет сторонится того, чтобы работать с духовным предметом, избрав из оставшегося лишь то, что можно было «ухватить» исследованием.

Психология обречена быть наукой о том, КТО есть, хотя его бытие вне сферы ее компетенции. Это и было, и есть самой главной трудностью для ученых. Это избегает признать весь научный мир. Психология не наука о бытии человека. Психология — это наука о том, как человек осуществляет свое бытие.

В чем специфическая предметность психологии личности? Чем отличается психологический подход от философского?²

Возвращаясь к сказанному, что, психологически, личность обнаруживает себя как самобытие, мы, по сути, отграничиваемся от философского понимания. А именно: личность имеет свое бытие не в том онтологическом смысле, как всякое тварное существо, а как такое тварное существо, которое получило от Творца особый дар качества своего бытия — самобытие. Бытие человека лишь в таком, ограниченном волей Творца, а не в абсолютном смысле, является само-бытием.

² Все подходы к категории личности до середины XX века задавались философией. На рубеже середины века от философского подхода отделились богословский и психологический. Но последний менее явным образом.

Итак, самобытие человека реализуется в личности. Но психология имеет это положение как предвходящее, а не как доказуемое и объясняемое, и даже не как являемое. Повторимся, бытие личности — вне сферы психологии. Возникновение личности не обнаруживается психологией. Психология начинается от того, что личность «уже стоит у ее дверей». В психологии можно начинать анализ лишь с того момента, в котором личность уже обнаруживает себя особым, «психологически уловимым» образом. Например, с нашей точки зрения, можно говорить о личности младенца в утробе матери, так как можно эмпирически исследовать отношение младенца к матери. Однако сама эта эмпирия не может быть ни доказательством, ни предметом доказуемости в психологии. Вообще, ни один вопрос о бытии личности не является психологическим. В психологии уместно говорить о личности, но не уместно ставить вопросы, «откуда личность», и «есть ли она». Это вопросы философии и богословия. Философия XX века готовила широкий плацдарм для психологии, утверждая возможность говорить о личности. С другой стороны, христианское богословие дало философской традиции истинный подход к категории личности. Но какой подход есть у христианской психологии к личности? Какой подход есть вообще у любой психологии к категории личности? В чем, спросим мы опять, специфика собственно психологического подхода?

Если принять определение С.А. Чурсанова [2005], что личность есть «онтологическая основа человека, определяющая образ бытия его индивидуализированной природы», то психологически это может означать следующее: личность — не определяемое природой (организм, индивидуальность), и не определяющее природу (Творец, вселенная, экология), но тот, в ком, через кого, кем, и для кого совершается самоопределение образа бытия.

Итак, богословские границы метаосновы психологии выглядят заданными (предположим, что это так): психология личности реализуется в потоке самоопределения бытия человека. Такой поток можно назвать жизнью, собственно человеческой жизнью (ср. *витальные потребности*, как психологическая категория). Жизнь человека есть движение самоопределяющегося бытия, где определяющим и является личность. Здесь важно только указать на одну методологическую сложность. Психологически не человек выступает субъектом самоопределения, но личность. Тогда понятно, что категориально личность будет достаточно определена как психологическая, а не антропологическая категория.

Ни одна другая наука — ни философия (с антропологией), ни богословие (с антропологией христианской), ни социология — не могут так

ясно «видеть» личность в человеке. Именно психология, может быть, не осознавая этого в полной мере, стала той наукой, в которой наиболее выпукло и явно личность человека можно познать. Психология, в то же время, есть одна из практик, в которой человек может найти помощь в своем усилии быть личностью. Наряду с психологией, такую помощь человек находит в христианской аскетике, а также в философии.

Итак, психология есть наука и практика личности человека. Но это ее призвание не «эксклюзивно». Эту же гуманитарную службу несет религия, и, конкретно, Церковь³. Вот почему христианская психология не только возможна как традиционная аскетика и практика, но и как научная дисциплина, основанная на богословии. Христианская психология может быть столь же комплементарной личности, как медицина здоровью. Личности человека, как образу и подобию Божию, в христианской психологии наиболее «уютно». Это ее среда, среда ее дискурса и смысла.

Принимая сказанное выше, что психология личности имеет дело с тем, в ком, через кого, кем, и главное, как, какими средствами, для чего и для кого совершается самоопределение бытия, как рабочую гипотезу определения личности, попробуем расшифровать то, что дано в нем как перечисление. Заметим, что это пока и выглядит как эмпирические вопросы, которые «сами собой» возникают в психологии личности и психотерапии. Оставим это пока так, как описание, снабдив краткой характеристикой каждое положение определения.

Первая группа вопросов — «в ком», «через кого» и «кем», это вопросы, которые могут получить ответы в наименовании «личность». И здесь требуется расставить границы — именно «личность», а не «человек», и не «психика», и не «психические функции». Кроме того, совершаемость самоопределения бытия имеет личностную основу. Это значит, что происходящее носит самовластный, свободный и волевой характер. Другими словами, личность есть тот, КТО совершает определение своего бытия. Иная позиция была бы в том, что это определение совершается кем-то, безлично или «никем». Вся психология высших психических функций по сути безличная. В ней память, сознание или мышление совершаются как бы сами по себе или задаются социальными, природными (биологическими) или культурно-историческими факторами. В такой психологии даже не ставится вопрос о совершителе происходящего.

³ Христианство, в наиболее концентрированном виде, как Церковь Божья, есть служение «спасения» личности человека.

Вторая группа вопросов — «как, какими средствами» — наиболее психологическая. Вся классическая и неклассическая психология занималась этим. Это вопросы о структуре, механизмах, навыках, привычках, а также чертах характерах и свойствах личности.

Третья группа вопросов — «для чего и для кого» совершается самоопределение. Ответ ясен — для личности. Но тут нам представляется некоторая сложность. Вопрос «для чего» есть вопрос, так сказать, тактики. Это структурные «что». Это те механизмы, ради освоения и развития которых личность предпринимает те или иные опыты и решения. А вопрос «для кого» направляет наш взгляд на предельные цели развития личности — совершенство человеческое, образ и подобие Божие.

Тот, Кто

Последний вопрос, который дан в рабочей гипотезе скрытно, «кто же это тот, КТО?» Возможно ли дать ему имя? Возможно ли строить психологию того, КТО? Является ли психология в таком виде психологией ЛИЧНОСТИ? Возможно, этот вопрос возвращает нас к границе психологии и философии. Может быть, пройдя «насквозь» весь спектр психологических путей личности, мы вышли бы к границам бытия с другой, философской стороны, но вышли бы «отягощенные» ответами о том, КТО и как реализует себя, как психологическая категория.

И все-таки, главный вопрос рабочей гипотезы — какой созидательный труд совершается личностью? Формулировка С.А. Чурсанова и наша рабочая гипотеза указывают на то, что этот труд есть «определение образа бытия». Значит, первая задача нашей работы — раскрыть это понятие.

Философия научила нас, что всякое прикосновение к категории личности должно быть универсальным и максимально емким, ведь оно должно вмещать в себя хотя бы основные жизненно важные измерения человека. Любовь и смерть, свобода и творчество, сознание и развитие, страдание и счастье, смысл и цели, вечность и временность, происхождение и последний день человека — вмещаются ли в понятие «определение образа бытия» все эти фундаментальные вопросы? Однако присвоить их психологии было бы ошибкой. Уместнее оставить из них лишь то, что соответствует собственно психологическому предмету. Но в tomto и беда, что в той или иной степени психологии не чужды все эти вопросы, только взятые в своей, специфически психологической форме. Стало быть, наша задача усложняется. Раскрыть понятие «определение

образа бытия» — значит, увидеть в фундаментальных вопросах жизни человека специфически психологическую составляющую. Это значит, пройти по границе между философией и психологией, в той или иной степени ответив на каждый вопрос.

За «водоразделом»

Водоразделом мы хотим назвать границу между психологией и философией, с одной стороны, и психологией и богословием, с другой. Эти границы наиболее важные, так как именно богословие и философия подарили нам категорию личности.

«*Определение образа бытия»* нуждается в переводе на психологический язык. Иными словами, нам нужен адекватный термин, передающий эту реальность, которая в богословском языке названа «определением». Реальность эта выглядит как самоопределение личности, как выборы, как целеполагание, стратегии развития и поведения, ценностные ориентации. Иными словами, это то, как я живу сам, а не то, в какие условия я поставлен, и какой природой, какими качествами наделен. Грань между самоопределением и детерминизмом, быть может, и есть грань между личностью и природой. Так оно есть, по крайней мере, в христианском богословии. Значит ли это, что в психологии — это грань между факторами, влияющими на выбор человека, и самоопределением? Самоопределение можно понимать как свободный выбор, в отличие от выбора прогнозируемого, от адаптивного и детерминированного поведения. Личностное поведение — такое, в котором все детерминирующие факторы присутствуют не как таковые, но как условия выбора, а выбор осуществляется на метаприродном уровне. Этот уровень становится доступен человеку лишь тогда, когда воля и ценности становятся внутренними средствами, а не внешними факторами.

Вообще, известная проблема внутреннего и внешнего в психологии может рассматриваться, в этом ключе, как проблема самоопределяемого и детерминирующего. Все условия, переходящие из детерминирующих поведение факторов в средства личностного выбора, становятся внутренними. Стало быть, переход этот и есть подлинная интериоризация. Однако обратный процесс (скорее действие и деятельность) — процесс экстериоризации — не есть переход средств личности в факторы детерминизма, но творческое соиздание условий своей деятельности. Превращение навыков и средств поведения в детерминирующие факторы тоже существует. Это то, что в психологии называется проекциями и защитами. Так, например, возник-

новение привычки употреблять алкоголь (алкогольной зависимости) может рассматриваться как переход средства эмоционального ослабления в фактор, детерминирующий и определяющий поведение и внутренний мир человека. Привычка очень часто становится чем-то неосознаваемым, и, потому, внеличным (почти природным). Но это внеличное генетически создано личностными структурами, защитными или проекционными механизмами. Став структурными компонентами личности, они выполняют адаптивную функцию. Такая адаптация носит, поначалу, прогрессивный характер — она помогает защищать или развивать относительно свободное поведение. Например: жена использует отчуждение от супруга, которого постоянно нет дома, как замену личностной границы. Первоначально отчуждение помогает ей не унывать и не злиться, но, став привычкой, разрушает брак.

Адаптация или развитие

Подлинная экстериоризация личностных механизмов проходит целый ряд этапов от открытия новой формы поведения до переустройства условий жизни. Только найдя способ изменить как отдельные стороны своего образа жизни, так и целые ситуации, способы деятельности или отношения с людьми, личность развивает себя, выводит себя на новую ступень развития. Осознав, что подлинное освобождение от детерминирующих факторов принесет не приспособление, как адаптивное поведение, а творческое отношение к условиям бытия, личность поднимается над своим актуальным уровнем развития. Преодоление наличной ситуации через более масштабное осознание и видение ситуации своего бытия открывает возможность новых путей решения жизненных задач. Поднявшись на новую ступень опыта, личность обогащается как новыми знаниями, так и новыми навыками. Сам механизм восхождения над наличными условиями или ситуациями есть ценный навык личности. Он заключается в преодолении ограниченности ситуации, в расширении сознания, в большей свободе выбора, в большей осведомленности и свободе и, наконец, выводит личность из тупика. Такое преодоление раз за разом освобождает личность от пагубных состояний безвыходности, в которых так часто оказывается человек.

Кроме того, находя новые решения, на основе нового опыта и новых знаний, личность приобретает и новый деятельностный путь. В своей новой книге И. Ялом описывает, как он находит способ преодоления

страха смерти, разрабатывая, как человек и специалист, тему смерти [Ялом, 2008]. Другим примером может послужить случай из нашей практики. Молодая женщина, проходя терапию, призналась, что, выбрав профессию фотографа, вынуждена была постоянно преодолевать страх публичных контактов на выставках и презентациях. Она нашла способ справляться с этим, который оказался ее собственным открытием. Она представляла себе, что многие, с кем ей приходилось знакомиться и общаться, также страдали подобными чувствами. Вступая с ними в отношения, наша клиентка искала пути помощи как себе, так и партнерам, и этим избавлялась от страха. В дальнейшем она использовала подобный навык в отношениях со спонсорами, и он оказался ей весьма полезным. Так личность, приобретая новый опыт, не приспосабливаясь к обстоятельствам, но изменяя их, и, главное, меняя себя, осуществляет себя как личность, «определяющую образ бытия».

ЛИТЕРАТУРА

- Чурсанов С.А. Богословское понятие личности (πρόσωπον) в структуре методологической парадигмы православной психологии и педагогики // Доклад на 16-ом заседании Методологического семинара по христианской психологии, 2005. http://www.fapsyou.ru/z16_chursanov.php.
- Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2008.

CATEGORY OF PERSONALITY IN THE CHRISTIAN PSYCHOLOGY

PRIEST ANDREY LORGUS

The article proposes new work hypothesis of psychological understanding of human personality. The term personality is central to psychology, philosophy and theology. The hypothesis of psychological understanding of personality is based on a modern Orthodox theological approach.

Keywords: personality, Christian psychology, theology, philosophy, self-relation, self-worth, otherness, the image of being, development.

- Chursanov S.A. Bogoslovskoe ponyatie lichnosti (πρόσωπον) v strukture metodologicheskoy paradigmy pravoslavnoy psikhologii i pedagogiki // Doklad na 16-om zasedanii Metodologicheskogo seminaru po khristianskoy psikhologii, 2005. http://www.fapsyou.ru/z16_chursanov.php.
- Yalom I. Vglyadyvayas' v solnze. Zhizn' bez strakha smerti. M.: Eksmo, 2008.